

М. А. Дмитриовская, К. А. Дегтяренко

НАУКА ЛЮБВИ
В КЛАССИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
(РАССКАЗ НИКОЛАЯ КОНОНОВА «АМНЕЗИЯ АНАСТАСИИ»)

70

На материале рассказа Н. Кононова «Амнезия Анастасии» (1999) рассмотрена изоморфность «университетского» концептуального поля ядру понятийной системы писателя. Показано, как в результате языковой игры номинации наук – филология, физика, медицина – сводятся к науке любви с акцентом на концептах «ego» и «тело». Определена роль интертекстуальных отсылок к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Продемонстрировано, что явные и скрытые номинации наук определяют статус текста как автобиографии.

Based on N. Kononov's short story 'Anastasia's Amnesia' (1999), this article considers the isomorphism between the conceptual field of 'university' and the core of the author's conceptual system. The language game with the names of disciplines – philology, physics, medicine – reduces them to a science of love with a focus on the concepts of 'ego' and 'body'. The article explores the role of intertextual references to A. S. Pushkin's 'Eugene Onegin' and shows that the implicit and explicit names of sciences determine the autobiographical status of the text.

Ключевые слова: Н. Кононов, «Амнезия Анастасии», университетская проза, понятийная система, интертекст, А. С. Пушкин, «Евгений Онегин», игра слов, мультиязыковой код, анаграмма, эгография, автобиография.

Keywords: N. Kononov, 'Anastasia's Amnesia', university prose, conceptual system, intertext, Pushkin's *Eugene Onegin*, pun, multi-language code, anagram, egography, autobiography.

In prima juventa – в ранней молодости.
Латинско-русский словарь

Университетская проза, органичная для зарубежной литературы [1], не прижилась на почве отечественной словесности, но только не у Н. Кононова: речь идет о ряде рассказов из книги «Магический бестиарий» (2002), которая позже составила вторую часть книги рассказов «Саратов» (2012), а также о значительной части романа «Парад» (2015).

В статье на материале рассказа «Амнезия Анастасии» (1999) будет рассмотрена изоморфность «университетского» концептуального поля, включая номинации наук, ядру понятийной системы Кононова.

У Кононова рефлексивность сознания задает раздвоение ego. Номинация *раздвоен*, представленная как *раз, двое, ..., N* (где *N* – переменная для обозначения бесконечного натурального ряда чисел), запускает механизм порождения множества людей и мира в целом. Приращение количества объектов обеспечивается тождеством $N = N + 1$. Ego приоб-

ретает неустойчивый статус. При $N = 3$ получаем, что $2 = 3$. Работает и обратный механизм сворачивания множества к единичности *ego*, что возможно при тождестве частей целого [3; 4], ср.: «"Дивергенция давки как мировая конвергенция при N , стремящемся к бесконечности". N – это вообще-то я» [7, с. 389]. Деление *ego* должно быть связано с одновременным телесным разделением: концепты *ego* и *тело* оказываются в фокусе внимания писателя. Создаваемые им тексты имеют скрытую мета-текстовую составляющую, затрагивающую вопрос об их статусе как эгографии и автобиографии. С этим связана важность концептов жизни (включая рождение) и смерти.

Большую часть рассказа составляют воспоминания повествователя о своей возлюбленной Анастасии, с которой он учился в одном университете. Эмоциональная холодность Анастасии чуть не привела его к самоубийству. Своим возвращением к жизни он обязан дяде Анастасии – Селику, о котором он сначала узнает по фотографии, где тот запечатлен с другом Кастом (Афанасием), позже погибшим в горах.

Раздвоенность топоса на «условно саратовский» и «горный» соответствует авторскому принципу раздвоения единой сущности, где части равны друг другу и одновременно целому. Так, каждый из топосов репрезентирует мир целиком. Ороним *Памиру* при игровом разложении дает форму *по миру*, а слово *университет* этимологически связано с лат. *universum* 'мир'. Паронимия слов *мир* и англ. *mirrow* ['mɪrə] 'зеркало' [3, с. 275] задает наличие третьего члена, зеркальность миров и одновременно их иллюзорность. Каждый топос сводится к единичности *ego*. Горный топос в целом, Афанасий как «горе-путешественник за три моря» [7, с. 408] и мотив «каменной пещеры Селикова черепа», полной алмазов [7, с. 388], задают скрытое присутствие *географии* и *геологии*, которые, при учете анаграмматичности *geo-* (от др.-греч. γῆ 'земля') и *ego*, дают 'описание *ego*' и 'науку об *ego*'. Слово *геология* (*geo-л-оги-я*) анаграмматично *ego-ль-ego-я*, где три «вибрирующих» в своем стремлении отождествиться *ego* (*я*) соответствуют формуле *раз, двое, ..., N*.

Описываемый в рассказе университет является классическим в соответствии с определением В. фон Гумбольдта. Это высшее учебное заведение, осуществляющее подготовку в тесной связи науки и образования. [2]. В рассказе прямо говорится о трех университетских специальностях. Анастасия изучает филологию, повествователь – физику, то есть предполагается наличие соответствующих факультетов. Прямо назван только медицинский факультет, через который лежит путь повествователя к Анастасии. Другие специальности (*resp.* факультеты) восстанавливаются в рассказе косвенно – через номинации соответствующих наук: *психологии, истории, философии, химии*, производных от них прилагательных и характерных описаний. Проецирование формулы *раз, двое, ..., N* на систему заданных явно факультетов высвечивает игровое колебание в числовом отношении между двумя и тремя, обеспечивая порождение множественных тождественных сущностей. Дальнейший механизм игрового деления запускается при учете того, что

факультет повествователя — скорее всего, физико-математический. Приращение количества факультетов мотивировано игровой интерпретацией номинации *матчасть* (с. 383) 'материальная часть' как 'математическая часть', используемой в рассказе для обозначения всего, что не относится к области гуманитарного знания. Слово *часть* имеет отношение к *делению*, которое ведет к *умножению*, то есть увеличению количества. Связь двух наук усилена тем, что Селик — доктор *физико-математических наук*.

В рассказе три факультета — филологии, физики и медицины — отождествляются благодаря межъязыковым и интертекстуальным возможностям, которые заключает в себе тема любви.

Большинство названий наук, включающих в качестве второго компонент *-логия* (др.-греч. λόγος), означают 'учение о том, что обозначено в первой части слова', например *психология* — 'учение о психике' (от др.-греч. ψυχή 'душа'). Термин *филология* (от др.-греч. φιλολογία, 'любовь к слову'), встраиваясь в эту модель, даст «науку о любви». Это высвечивает тот смысл, который формирует сюжет рассказа, и одновременно делает явным скрытого третьего — Евгения Онегина. Именно «науке любви» обучаются герои в университете, а знатоком ее был Онегин:

Но в чем он истинный был гений,
Что знал он лучше всех наук...
Была наука страсти нежной,
Которую воспел Назон... [9, с. 189–190].

У Пушкина речь идет о поэме римского поэта Овидия Назона «Наука любви» («*Ars amatoria*»). Латинское слово *romanus* 'римский' (от *Roma* 'Рим') на западноевропейской почве породило несколько слов. Между героями развивается *роман* [7, с. 382], сама же Анастасия изучает в университете английский *романтизм* [7, с. 383, 384] — литературное направление, в котором акцент делается на изображении чувств. Анастасия зеркальна по отношению к повествователю, как Татьяна по отношению к Онегину: Татьяне «рано нравились *романы*» [9, с. 219]. Так троичность персонажей переходит в четверичность тождественных сущностей. В контексте рассказа *филология*, отсылающая к др.-греч. слову φιλέω 'любить', указывающему на нежную любовь, характеризует чувство повествователя: «Ведь я ее, мою прошлую *любю, любил*» [7, с. 383]; «Я так в нее *влюбился*, как не влюблялся больше ни в кого и никогда» [7, с. 392]. На игровое перевоплощение повествователя в филолога прямо указывает сам повествователь: «Я — с гуманитарными познаниями ниже пояса» [7, с. 387]. Повествователь — *романтичный, чувствующий и чувствительный*, в то время как Анастасия — чувственная, но не преуспевшая в *романтизме*. Ее чувственность отражена в сравнении со статуей Венеры Каллипиги [7, с. 388] — богини любви (от лат. *venus, veneris* 'любовь'), изображаемой скульпторами и художниками в повороте, обнажающем ягодицы. При учете сравнения с Венерой (Аф-

родитой) любовь (амур) между героями материализуется в сыне богини любви Амуре (др.-греч. Ἔρως). Таким образом, и здесь создается вибрация смыслов: 2 = 3.

Любовь Анастасии проявляется в *физическом* эротическом влечении. Она становится *физиком* в игровом значении — ‘специалист по *физической* любви’. Слово *физика* восходит к др.-гр. φύσις ‘естество, природа’. Однако в современной науке объектом физики является неорганическая природа, а наука о природе живого организма отделилась в физиологию. Первоначальное значение слова *физика*, связанное с семантикой живого, отражено в значениях лексемы *физический*: ‘относящийся к мускульной силе человека или животного’; ‘относящийся к физиологии, организму или, более узко, к половым взаимоотношениям человека’ [8, с. 740].

Тождество *физического* и *телесного* подвергается в рассказе игровому развертыванию и за счет полисемии слов *тело* и *телесный*. *Тело* — это ‘отдельный предмет в пространстве, а также часть пространства, заполненная материей, каким-н. веществом или ограниченная замкнутой поверхностью’. Ср.: *твердое, жидкое и газообразное тело, геометрическое тело* [8, с. 688]. Повествователь отмечает, что он изучал «свойства теоретической плазмы, так же как моя дорогуша изучала мои. *Телесные свойства*» [7, с. 385]. Словосочетание *телесные свойства* используется в физике для описания свойств *физического тела* (неодушевленного, неживого), например «*телесные свойства шара* (как тела)» [1, т. 4, стлб. 671]. Другое значение слова *телесный* — ‘имеющий отношение к телу как естеству живого организма’, ‘физиологический, плотский’. Словосочетание *изучать телесные свойства* приобретает значение ‘заниматься любовью’. Одновременно в рассказе семантика производительного акта сопрягается с темой смерти. Анастасии повествователь был «по-человечески безразличен», у него был «с ней *животный секс*» [7, с. 397]. Но слово *животный* связано со словами *живой, жизнь*. Мысль героя о смерти мотивирована тем, что он отказывается считать себя *животным* и, следовательно, *живым*. Для Анастасии он — «всего лишь одетое, пока дышащее *тело*» [7, с. 383]. Обыгрываемое здесь тождество героя с мертвым телом поддерживается значением лексемы *тело* ‘труп’, а также указанием на *морг* и описанием «рекреации медицинского факультета» с «циничной чередой препарированных человеческих останков, нагло желтеющих через гнутые стекла» [7, с. 383], мимо которых каждый раз проходит герой, отправляясь на встречу с Анастасией. При этом он размышляет, что *смерть* — «будто специальный мотив, предшествующий их встрече» [7, с. 383]. В момент телесной близости тоже приходит осознание смерти. Повествователь сообщает, что все «увидел как бы фронтально, сбоку, когда их, случек, уже нет, когда нет и любви и никаких последствий, кроме того, что [ему] *предстоит умереть*» [7, с. 402]. Все значения лексемы *тело* так или иначе соотносятся у Кононова со смертью. Жизнь и смерть у него сопряжены в мифопоэтическом единстве (см.: [5]).

Но чувственность присуща не только Анастасии. Повествователь тоже любит ее *телесно*. При этом показательно, что соответствующий

нарратив дается через призму наук — сначала теоретической механики и математики, потом, при чтении письма от Анастасии — через призму филологии:

И я ни о чем другом не мог думать тогда. Даже *эпюры* казались мне твоими формами, а про *знак интеграла* я уже не говорю. *Проинтегрировать* от ступней до корней кудрей по законам твоей темно-белой эпидермы. Эх! [7, с. 389].

В очертаниях *литер* я увидел все: изгиб ее тела, все тело, тайну этого тела. Я услышал *имена* — ее и мое, погруженные, словно водолаз, в эту тайну, на самое глубокое дно.

Я коснулся губами округлых литер... [7, с. 400].

74

Пережитая любовь, когда повествователь не встретил ответа на свое чувство, изменила его: любовь сменилась грубым сексом, эмоциональная сфера тоже претерпела изменения: «Сердобольности во мне поубавилось. Так же как и жалостливости» [7, с. 401]. В целом *роман* между повествователем и Анастасией можно охарактеризовать как *роман воспитания* с отсылкой к названию романа Г. Флобера «Воспитание чувств. История одного молодого человека» (*L'education sentimentale, histoire d'un jeune homme*)¹. Многозначность фр. *éducation*, англ. *education*, относящихся как к образованию, так и к воспитанию, позволяет установить тождество у Кононова *романа воспитания с университетским романом* в двух значениях слова *роман*. Кроме того, герой имеет «спортивный поджарый вид» [7, с. 383]. Это потому, что *изучение физики* — то же самое, что *физическое воспитание* — фр. *éducation physique*, англ. *physical education* при англ. *physique* 'телосложение', 'физические данные' и фр. *physique* 'физика', 'физический'.

У Кононова «серединность» медицинского факультета соответствует тому, что семантика врачевания оказывается смежной для обоих героев. Профессия врача носит пограничный характер, и в том смысле, что врач борется со смертью во имя жизни. В контексте произведения номинация специальности *физик* корреспондирует с англ. *physician* 'терапевт' и словом *физиология*, которое не только относится к телесности и плотской любви, но и является биологическим и медицинским термином. Выявленный смысл восстанавливает логические связи с фрагментом текста, выпадающим, на первый взгляд, из повествования: мать повествователя получает ожог, и он посещает ее в больнице. Через имя Анастасия задаются параллели со святой Анастасией Фармаколитрией. В русской традиции она известна как Анастасия Узорешительница, то есть 'освобождающая от уз', что связано с помощью узникам. Слово *Фармаколитрия* (от др.-греч. *φάρμακον* 'снадобье, лекарство' + *λύτρον* 'освобождать, избавлять') подчеркивает врачебную деятельность святой. В ее житии сообщается о том, что, «желая помогать больным и несчастным, она выучилась *врачебному искусству* и сама *лечила* ране-

¹ Аналогичная подоснова у романа Н. Кононова «Фланёр», см.: [3, с. 267].

ных»; «Одним она принесла облегчение, других, *врачуя* собственными руками, она *вылечила* от неисцелимых ран, иных, бывших полумертвыми, *оживила* своим уходом, дав им здоровье и силы на ожидавшие их новые мучения» [6, с. 603].

Возникает вопрос: насколько описываемый в рассказе университет соответствует реальному Саратовскому университету? Кононов учился в нем в 1975–1980 гг. на отделении радиофизики физического факультета и защитил дипломную работу на тему «Обоснование направления времени». Учитывая декларируемую в начале рассказа «нелинейность» [7, с. 382] романа, имеет смысл повернуть время вспять и одновременно синхронизировать его со временем событий. Императорский Николаевский Саратовский университет был учрежден Николаем II и открыт в 1909 г. При его основании был только один факультет – медицинский. Номинация *Николаевский* одновременно отсылает к *Николаю* Кононову. Само понятие «университет» оказывается встроенным в систему. Лат. *universus* ‘весь, целый’, ‘совокупный’ основано на идее соединения частей, но при этом восходит к *unus* ‘один’ и *versus* – от *verto* ‘вращаться’. В 1917 г. в добавление к медицинскому были открыты также физико-математический, историко-филологический и юридический факультеты. Исчезновение из названия университета указания на Николая II соответствует началу деления на факультеты: медицинский факультет начинает соседствовать с физико-математическим и историко-филологическим, что совпадает с системой факультетов в рассказе Кононова. Ко времени учебы Кононова медицинский факультет университета уже выделился в Саратовский медицинский институт, однако территориально остался на прежнем месте и соседствовал с физическим факультетом СГУ. Филологический факультет располагался в другом месте.

Филология как наука, сформировавшаяся в Александрийской школе, изначально имела дело с письменными текстами. Через весь рассказ проходит тема писем. Герои знакомятся на танцах, где «тогда еще играли в почту» [7, с. 391]. Рус. *почта*, написанное от руки и прочитанное латиницей, – анаграмма слова *роман*. Инициировав разрыв, Анастасия потом пишет герою и оставляет письмо «в читальном зале, у пункта выдачи» [7, с. 400]. На конверте указан адресат. Повествователь размышляет над этим, цитируя *роман* Пушкина «Евгений Онегин» и обыгрывая *письмо* Татьяны Онегину:

На смятом новогоднем конверте значились моя фамилия и инициал имени. Факультет и группа. В груди моей екнуло, будто я застал на смутном стекле надышанный туманный вензель, начертанный любимой рукой. «Чертила вензель О да Е». Ведь я совпадал с этим вензелем с точностью до наоборот. Я решил, что официально поставленная фамилия впереди имени и есть намек на это «О да Е», почти признание (с. 400).

Инициалы «*O ga E*» вкупе с соединительным союзом, прочитанным на латинице, обеспечивают анаграмматический переход к «*a ego?*» Инициалы, обратные онегинским, могут порождаться самой фамилией

Онегин: О(н) Егин. Имя повествователя начинается на букву «о». Единственное возможное имя — *Олег* — связано с основными понятийными константами. Анаграмма имени *Олег* = «*его ль?*» Оним ОЛЕГ является зеркальным отражением англ. LOVE 'любовь' относительно горизонтальной оси симметрии. Связь англ. *love* 'любовь' с «*его ль?*» позволяет установить значимость концепта любви: он одновременно соотносится с *его* и с телом (через физическую, телесную любовь). Как *разделенная* (*раз деленная*), так и *неразделенная* (*не раз деленная*) любовь работают на разделение и одновременное умножение персонажей (как суммы *его* и тела) с фиксацией их неопределенного статуса, что описывается формулой *раз, двое, ..., N*. На разделение тела и *его* указывают особенности медицинского факультета. Помимо «*препарированных* человеческих останков» назван «*младенчик, распоротый по осевой*» [7, с. 383]. В рассказе сообщается, что «*окна филфаковской столовки выходили на дворик-атриум кафедры судебной медицины*» [7, с. 382]. *Атриум* — это внутренняя часть древне-римского дома с колоннами. При игровом разложении получается *а-три-ум*, соответствующее формуле *раз, двое, ..., N* и имеющее отношение к рефлексивности сознания. Значимо также, что слово *атриум* в разных значениях является термином геологии и медицины. В патологии именем *atria mortis* называются органы, считающиеся особенно важными для функции остальных органов тела, поражение которых может вызвать внезапную смерть: сердце, легкие и мозг.

Любовь не только порождает мир из единичного *его*. Значим и обратный процесс: англ. LOVE и имя ОЛЕГ анаграмматичны лат. *lego*, др.-греч. λέγω 'собирать', что сводит множественность к единичности (Целому) (о разработке этой темы в рассказе в связи с философией всеединства см: [4]). Значимы другие значения лат. *lego* 'читать' и др.-греч. λέγω 'говорить, рассказывать историю', которые дополняются в рассказе акцентом на письмо. При семантическом тождестве др.-греч. φιλέω и англ. *love* 'любить' и перекодировке *love* в «*его ль?*» получаем, что науки *филология* (*эго ль — эго ль — я*) и *геология* (*эго — эго ль — я*) фактически совпадают.

Интертекстуальная связь с «Евгением Онегиным» Пушкина является дополнительным источником обыгрывания наук:

Он знал довольно по-латыне,
Чтоб эпитафы разбирать,
Потолковать об Ювенале,
В конце письма поставить *vale*.... [9, с. 189].

Латынь принадлежит к числу *классических* языков, что служит цели игровой актуализации темы классического университета. Имя римского поэта Ювенал — *Juvenalis* — означает 'юношеский' (от *juvenis* 'юноша, юная девушка'): рассказ Кононова построен как воспоминание о юношеских годах. Лат. *vale* 'будь здоров, прощай', являясь фонетико-графической анаграммой англ. *love*, дополняет описанный выше смысловой узел медицинской семантикой и семантикой расставания. Кстати, у Пушкина именно вслед за знанием латыни идет знание Онегиным «нау-

ки страсти нежной». В романе Н. Кононова «Похороны кузнечика» после смерти бабушки повествователь Ганимед идет к своему другу Вале (Валентин — от лат. *valens, valentis* 'здоровый, сильный'), который любит его.

В рассказе есть еще одно письмо. После ссоры с Анастасией герой пишет его Селику, где рассказывает о своих чувствах и страданиях. Это письмо спасло его от самоубийства, но не было «отослано, так как никому, кроме меня, не предназначалось» [7, с. 399] (см.: [10]). Герой пишет не только о себе, но и для себя. Автор и адресат тождественны *его*. Это письмо представляет собой модель письма Кононова в целом.

Особый статус произведений Кононова основывается на отсутствии различий между писателем, повествователем и другими героями: они сводятся к единому *его*, которое, однако, имеет зыбкий статус. В рассказе неназванными остаются не только *геология* и *география*, но и *биология*. В сумме они дают ключ к характеристике письма. При анаграмматическом тождестве *гео-* и *его-* *география* дает нам *эгографию* 'письмо о себе' (Элен Анри говорит о «мнимой эгографии [Кононова], когда рассказчик "замечает следы" автобиографии» [12, р. 355]²). Наука о жизни и смерти — *биология* (от др.-греч. βίος 'жизнь' + λόγος) — по модели парности *геологии* и *географии* дает нам науку *биографию* — 'учение (письмо) о жизни'. Этой наукой занят Н. Кононов со своими героями. Он, как и его герои, пишет от руки — это ручной, *физический труд, физическая культура*. Здесь довлеет идея биологической жизни тела, др.-греч. οἶμα. Она должна соединиться с *эгографией* как описанием *его* — относящимся, согласно Декарту, к душе. Это произойдет при переходе от οἶμα к *самá/сам³*, что, при тождестве *сам* и *авто-*, даст нам *автобиографию*. Вибрация между множественностью и единичностью обеспечивается англ. *some* 'несколько', *same* 'тот же самый', *sum* [sʌm] 'сумма', а также этимологией слова *автор*, восходящего к лат. *auctor* 'творец' от *augeo* 'умножать, увеличивать'. В рассказе точкой отсчета для автобиографии является Анастасия, поскольку в культурном контексте связана с рождением, смертью и повторным рождением, дающими в итоге бесконечное круговращение времени. День памяти св. Анастасии Фармаколитрии по католическому календарю приходится на 25 декабря и совпадает с Рождеством, этимология же имени *Анастасия* (с др.-греч. 'воскресшая') отсылает к Пасхе, что в сумме обеспечивает активизацию христологического кода и проекцию его на персонажей. Анастасия — *alter ego* повествователя и автора. День рождения Кононова приходится на 14 апреля (турецк. *nisan* 'апрель'). По еврейскому календарю 14 нисана отмечается Песах, и с этой датой была связана крестная жертва Христа, вследствие чего в христианстве возник праздник Пасхи, знаменующий победу жизни над смертью. В своих произведениях Кононов выступает как (*к*)*лирик*. Стихи и проза у него не столь отличны меж собой.

Vale.

Январь 2014 — февраль 2018

²Перевод Аллы Смирновой.

³Такой переход обыгрывается в рассказе, см.: «Она [Анастасия] тоже чувствовала, но не так, не умом, а телом, то есть телесно, *соматически*. Вообще-то здесь более уместно близкое словцо от корня глагола «течь» — *само-течески*» (с. 384).

Список литературы

1. Волков И. В. Джон Барт: университет как универсум // Новое прошлое / The New Past. 2016. №2. С. 70–85.
2. Гумбольдт К. В. фон. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. 2002. №2. С. 5–8. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/gumb.html> (дата обращения: 09.01.2018).
3. Дмитриовская М. Коли муза Клио: История души человеческой и история народов в романе Николая Кононова «Фланёр» // Новое литературное обозрение. 2014. №4. С. 266–284.
4. Дмитриовская М. А. Вегетативный код в рассказе Николая Кононова «Амнезия Анастасии». Статья 3. *С О единица в Овсеединство* // Критика и семиотика. 2015. Вып. 1. С. 148–167.
5. Дмитриовская М. А., Дегтяренко К. А. «Полный абзац» (узловые концепты в творчестве Николая Кононова) // Критика и семиотика. 2016. Вып. 1. С. 205–226.
6. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Димитрия Ростовского: в 12 т. Киев, 2006. Т. 4.
7. Кононов Н. Саратов. М., 2012.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1985.
9. Пушкин А. С. Собр. соч. : в 3 т. М., 1986. Т. 2.
10. Скрыбина А. В. Письмо к самому себе: о проблеме коммуникации в картине мира Н. Кононова (на примере рассказа «Амнезия Анастасии») // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика психология. 2012. Вып. 2. С. 135–140.
11. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.
12. Henry H. Entre poésie et prose: à propos des recueils Hasards du langage et *La Chasse au chapeau* de Lev Rubinstein, et de quelques autre 'proses' inclassable // Le premier quinquennat de la prose russe du XXIe siècle. P., 2006. P. 347–357.

Об авторах

Мария Алексеевна Дмитриовская – д-р филол. наук, проф., гл. науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: dmitrovskayama@yandex.ru

Ксения Андреевна Дегтяренко – канд. филол. наук, доц., Филиал ВУНЦ ВМФ «Военно-морская Академия им. адмирала флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова», Россия.
E-mail: kseniya.degtyarenko@gmail.com

The authors

Prof. Maria A. Dmitrovskaya, Chief Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: dmitrovskayama@yandex.ru

Dr Ksenia A. Degtyarenko, Associate Professor, Kaliningrad Branch of the N. G. Kuznetsov Naval Academy, Russia.
E-mail: kseniya.degtyarenko@gmail.com